

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Жаркий денек сегодня, Егор Филиппович, словно и не май на дворе... — Подтянутый капитан в общевойсковой форме обвел взглядом кабинет. Любителем чистоты и порядка его хозяин явно не был.

За окном второго этажа гудело шумное хозяйство — автобаза № 3 города Одессы. Ругались рабочие, активно используя возможности русского языка, сновали полуторки и шестиколесные «ГАЗ-ААА». Упрямо не заводился отслуживший свой век самосвал, отчего комментарии шоферов становились жестче и образнее.

Капитан плавно прикрыл дверь. Со стен живописно свисали лохмотья штукатурки, в углу стыдливо пряталась паутина. Но портрет отца народов присутствовал на видном месте — с него регулярно стирали пыль.

За столом сидел директор автобазы товарищ Калымов — грузный субъект в жилетке и пиджаке, обмахивался сложенной газеткой. Май 1944 года на юге страны выдался жарким, и не хотелось гадать, каким будет лето.

Директор оторвался от бумаг, удостоил посетителя небрежным взглядом: мол, вы таки по делу, товарищ, или просто гуляете?

— Капитан Огаревич, — представился посетитель. — Сигнальчик поступил по вашу душу, Егор Филиппович. — Капитан откашлялся, сделал несколько шагов. Поскрипывала кожа сапог.

В глазах директора автобазы блеснула тревога. Он нахмурился, отложил газетку, По сморщенному лбу поползла капля пота, преодолела переносицу, перебралась на прыщеватый нос. Директор раздраженно смахнул бусинку пальцами.

— По мою душу сигнальчик, уважаемый? — Директор автобазы сглотнул. — О чем вы, позвольте спросить?

— Не конкретно по вашу душу, — поправил капитан. — К вашей душе претензий не имеем — вы ответственный, добросовестный товарищ, имеющий неоспоримые заслуги перед Родиной. Не волнуйтесь, все в порядке, — капитан сухо улыбнулся. — Мы не собираемся доставлять вам неудобства, обычная проверка. Позвольте присесть?

— Да, конечно... — Калымов вздрогнул и облизнул губы. От внимания капитана не укрылось, как он облегченно вздохнул — обычная реакция любого советского человека. Огаревич с удобством устроился на стуле, уставился в открытое окно.

Автобаза располагалась на улице Кожихинской, в двух шагах от Воронцовки и железной

дороги. Предприятие было солидное, автопарк насчитывал тридцать транспортных средств специального назначения: вездеходы, бульдозеры, самосвалы. Освобожденной от оккупантов Одессе это требовалось как воздух, техника работала на пределе, остро ощущалась нехватка запчастей.

— Прошу прощения, товарищ капитан... В каком, говорите, ведомстве вы служите?

— Пока не говорил. — Капитан извлек из нагрудного кармана красное удостоверение. Тисненные буквы извещали недвусмысленно: «НКО, Главное Управление контрразведки СМЕРШ», Капитан Огаревич, оперативный отдел. — Посетитель закрыл корочки и убрал в карман. — Да вы не волнуйтесь, Егор Филиппович, повторяю, это обычная проверка. Поступил сигнал — мы обязаны среагировать.

Но директор автобазы не мог не волноваться. Он снова потел, делал страдальческую мину, пытался ее стереть, но лицевые мышцы не слушались. Военную контрразведку боялись все — и штатские, и военные. Репутация учреждения бежала впереди его конкретных дел.

— Я не понимаю... Может, объясните? Мы ничем таким не занимаемся, четко выполняем все постановления горкома и горисполкома... Трудимся без выходных, как и вся страна... Да, бывает, техника выходит из строя, сегодня утром сломался самосвал, но где, скажите на милость, брать запчасти? Что-то можем изготовить в своей

мастерской, но далеко не все. Нам не хватает мощностей, оборудования...

— Поступил анонимный сигнал, — перебил его Огаревич. — Полагаю, его автор — работник вашего предприятия, решивший остаться в тени. Он сообщил, что в четвертом гараже имеется спуск в катакомбы и в нерабочее время его используют — наблюдается движение людей и грузов. Это происходит регулярно, как минимум дважды в неделю.

Скрипнула дверь — вздрогнул Калымов, раздраженно поморщился контрразведчик. Заглянула секретарша из приемной — ладно сбитая, с волнистыми кудряшками, далеко за сорок, но с остатками былой красоты на лице.

— Егор Филиппович, вы позволите?

— Что еще, Клавдия Игнатьевна? Не видите, я занят?

— Я очень извиняюсь, Егор Филиппович... — Секретарша мазнула любопытным взглядом посетителя. — Но это срочно, людям надо ехать, они ждут. Подпишите путевые листы и накладные на груз.

— Конечно, товарищ Калымов, занимайтесь работой, — улыбнулся капитан. — Не хочу вас отвлекать.

Но волнение не отпускало директора. Он вооружился перьевой ручкой, исподлобья уставился на секретаршу. Женщина сделала кроткое лицо, устремила к нему со стопкой бумаг. Застучали каблучки по деревянному полу. Капитан за-

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

думчиво смотрел на женские формы: неплохой, весьма неплохой тазобедренный сустав...

Калымов размашисто подписывал бумаги, отбрасывал их на край стола. Секретарша поймала листы, снова глянула через плечо — и с любопытством, и с робостью, и с какой-то затаенной надеждой. Капитан был хорош собой, а большинству женщин сейчас так не хватало мужского внимания...

— Спасибо. Егор Филиппович, прошу простить, что отвлекла... — Секретарша еще раз глянула на посетителя и удалилась, призывно покачивая бедрами.

— Клавдия Игнатьевна, распорядитесь, чтобы никто не заходил, — бросил ей в спину Калымов. — Я занят, пусть ждут.

— Конечно, Егор Филиппович.

Дверь закрылась. Директор автобазы шумно выдохнул.

— Это поклеп, товарищ капитан, иначе не скажу... Анонимный донос? Ну, конечно, у меня хватает недоброжелателей... Взять того же Сидоренко, уволенного на прошлой неделе, — осуществлял левые рейсы на своей полutorке и тщательно это скрывал. А когда поймали, начал возмущаться — дескать, родители у него больные, сестра калека... В четвертом гараже, говорите? Этой частью автобазы заведует товарищ Рыхлин, ответственный и добросовестный сотрудник, член партии, между прочим. Не думаю, что он устроил в своей вотчине что-то запрещен-

ное, в это невозможно поверить. Лично мне об этом ничего не известно. Это правда, товарищ, я не лукавлю. — Калымов отчасти справился с собой и даже подбоченился. — Мы не занимаемся незаконными вещами. Я не спорю, возможно, в гараже и существует проход в городские катакомбы. Но вы же знаете этот город. Где их нет? Повсюду эти лазы, шахты. Вы вспомните, как строилась Одесса. К тому же наши здания возведены из ракушечника, а это значит, каменоломни в районе более чем вероятны, не вижу в этом ничего необычного...

— Что скажете про товарища Рыхлина?

— Старательный, порядочный работник. Характер крут, прогулов и пьянства не терпит, держит работников в узде. Воевал до 43-го года, но зимой застудил легкие и был комиссован. Местный житель, проживает на Складской улице...

— Позвольте осмотреть гараж?

— В чем вопрос, товарищ капитан? Можете это сделать прямо сейчас, я прикажу оказать вам помощь. Вы... один будете осматривать? — Директор автобазы растерянно заморгал.

— Со мной два красноармейца, они на улице. Скоро подъедут другие члены опергруппы — их задержали дела.

— Как скажете, товарищ, готов оказать нашим органам всяческое содействие.

Капитан поднялся, хрустнули коленные суставы, подошел к окну. Во дворе былолюдно. На площадке перед гаражом стоял мощный че-

тырехосный грузовик ЯГ-12, переделанный в самосвал. Машина смотрелась неважно. Эти монстры выпускали в начале 30-х годов. Данный экземпляр насквозь проржавел — особенно двери кабины и колесные диски. В машине копались механики. Крышка капота торчала в небо под углом сорок пять градусов — словно ствол зенитки. Над въездом в гараж № 1 алел транспарант: «Все силы тыла — на помощь фронту!» Облезлые ворота украшал плакат, изображающий женщину с мужественным лицом и пачкой лотерейных билетов. За спиной гражданки скакала кавалерия и летели истребители. Рисунок сопровождался надписью: «Приобретайте лотерейные билеты! Участием во второй денежно-вещевой лотерее поможем фронту!»

Калымов поднял трубку перемотанного изоляцией аппарата, закрипел диск.

— Кому-то звоните, Егор Филиппович? — шевельнулся Огаревич.

— Так это... Рыхлину и звоню, — смутился Калымов. — Чтобы ждал и не удивлялся, когда подойдут ваши люди...

— Егор Филиппович, вы в своем уме?!

— Простите, а что не так? — Директор автобазы искренне не понимал, в чем дело, но трубку повесил. — Наверное, я не совсем понимаю...

— Так и есть, Егор Филиппович. Давайте пока не делать необдуманных движений. Повторяю в третий раз, лично к вам у органов претензий нет. Давайте подождем, пока подъедут наши сотруд-

ники. Уверен, они уже в пути. Сколько человек трудится на автобазе, товарищ директор?

— По штату 94 человека — включая бухгалтеров, чернорабочих, подсобный персонал...

— Чем конкретно занимается автобаза?

— Перевозкой грузов, товарищ капитан, чем же еще? — Калымов склеил неуверенную улыбку. — Выделяем автотехнику по распоряжению горисполкома — на стройки для доставки цемента и прочих стройматериалов; для перевозки продуктов, других грузов, выделяем технику для элеваторов и совхозов, для сноса поврежденных зданий, рытья котлованов. Наша автобаза — крупнейшая в Одессе и многофункциональная, так сказать... — Директор явно гордился своим детищем. — Предприятие сформировано на базе старого сразу после освобождения города. При немцах и румынах сюда свозили поврежденную технику, пытались чинить, а если не удавалось, снимали узлы, агрегаты, разбирали на запчасти. Работали наши... — Калымов споткнулся. — Ну, а что им оставалось? Велась мобилизация гражданского населения, немцы расстреливали непослушных. А у людей семьи, их надо чем-то кормить...

Огаревич поморщился. По сотрудничеству с нацистами население Одессы побило все рекорды.

— Вы тоже работали на немцев?

— Боже упаси, товарищ капитан, — голос директора зазвенел от возмущения. — Да чтобы я

прислуживал фашистам — где вы такое видали? Я в город прибыл 12 апреля с первой волной вернувшихся из эвакуации. Нас в Николаеве временно размещали, там и получил назначение — совместно с личной просьбой заместителя первого областного секретаря товарища Кубасова! — Калымов задрал нос и подкрутил усы, которые прежде безжизненно висели, напоминающая сосульки. — До марта 42-го года я находился в действующей армии в должности заместителя начальника штаба автомобильного батальона. В атаки, возможно, и не ходил... Возраст, знаете ли, под полтинник катило, занимался технической частью — кто-то ведь должен? Получил осколок в ногу под Сталинградом — под обстрел попали. Вытащили, прооперировали, но, увы, нога осталась ущербной. Списали, в общем, с довольствия, в Липецк отправили — заведовать гаражом первого секретаря областного комитета, туда и семью перевез из Курска. Потом новое назначение — Новороссийск, Николаев, в порту работал, руководил загрузкой и отгрузкой...

— Понятно, Егор Филиппович. — Огаревич отвернулся от окна. — Вы продолжаете нервничать, а ведь ничего ужасного не происходит. Если ложный донос — мы разберемся. Могу я ознакомиться с личным делом товарища Рыхлина? А также со схемами и чертежами четвертого гаража, включая коммуникации?

— С личным делом, извиняюсь, не ко мне, а в отдел кадров... — Калымов выбрался из-за стола

и, прихрамывая, направился к застекленному шкафу, набитому папками. — А вот насчет схем и чертежей сейчас посмотрим...

Стекло сопротивлялось, пришлось приложить усилие, чтобы отодвинуть. Ворча под нос, Калымов ковырялся в папках, вытащил одновременно несколько штук, ладонью смахнул пыль.

— Сами полюбуйте, товарищ капитан, что здесь творится. Не хватает времени привести в порядок документацию. Людей мало, а это надо сутками сидеть. Немцы, кстати, архив не тронули, им даже жечь это было лень — стащили под лестницу и бросили. Все пылью покрылось за два половиной года. А мы собрали и обратно затолкали... Вот, пожалуйста, это то, что вам надо...

Капитан подошел, чтобы взять документы. Удар был внезапный, такого точно не ожидаешь! Нож Калымов держал под папкой. Тонкое лезвие вошло в живот, провернулось. У капитана перехватило дыхание, обмякли ноги. Перед ним стоял уже не трусоватый, неуверенный в себе директор. Калымов окаменел, глаза источали холод. Заскрипели зубы, нарисовалась кривая ухмылка. Лезвие разрывало внутренности. Текла кровь, но на убийцу не попадала — он выбрал правильную дистанцию. Огаревич хотел что-то сказать, но кровь пошла горлом. Глаза с ужасом смотрели на убийцу. Ноги подкосились. Калымов выдернул нож, схватил капитана за ворот гимнастерки, придержал. Нога у директора

действительно побаливала. Тело жертвы еще дрожало, Огаревич откинул голову, сжимал кулаки — словно приказывал себе остаться в живых. Но глаза затягивала поволока. Калымов угрюмо смотрел, как человек расстается с жизнью. Контрразведчик застыл, кровь сочилась из уголков рта. Калымов досадливо сплюнул:

— Эх, осложнил же ты нам работу, капитан... Кто же та сволочь, что на нас накапала? Хорошо еще, что вы работаете безграмотно...

Он схватил покойника за шиворот, оттащил за шкаф, перевел дыхание. На полу остались разводы, да бес с ними, стол загораживал... Скрипнула дверь, всунулся худощавый мужчина с белесым лицом.

— Я зайду, Егор Филиппович? Чем занят?

Директор выглянул из-за шкафа. Вот так и проваливаются даже самые опытные из агентов!

— Не зайдешь, Петр Евсеевич, — проворчал он. — Выйди, пожалуйста, если не сложно!

— Да ладно, чего ты такой нервный? — Мужчина недоуменно пожал плечами, собрался сделать шаг, но не решился — слишком свирепо выглядел директор. — Слушай, а чего ты там делаешь за шкафом?

— Тараканов развожу, — огрызнулся директор. — Не обращай внимания, новость недобрую с фронта получил... Слушай, Петр Евсеевич, давай, ты сейчас выйдешь, а позднее я тебя вызову, добро?